

Нам СОВБЕСЕДНИК

Заслуженная артистка РСФСР Ольга ВОРОНЕЦ

Застать дома заслуженную артистку республики Ольгу Воронец очень трудно — репетиции, концерты, съемки на телевидении, поездки по стране, за рубеж... Но вот наконец я у нее дома. Ольга Борисовна по-русски радушно и гостеприимна.

Нет, это не было интервью с заранее спланированными вопросами и ответами. Мы просто сидели друг против друга и за чашкой дымящегося кофе вели неторопливый разговор о судьбе певицы, о ее творческих радостях, о работе. Она рассказывала о себе, о своем ощущении и понимании русской народной песни, о том, какое место занимает песня в ее жизни. Голос ее, несколько поначалу официальный, постепенно теплый, становился задумчивым и задушевным. Временами я невольно переставал записывать беседу, захваченный душевным обаянием собеседницы. И, спохватившись, снова заполнял журналистского блоннота. Вот вкратце запись этой беседы.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

— Ольга Борисовна, давно ли вы поете и как произошло ваше приобщение к музыке, песне?

— Мне кажется, я пела еще в том возрасте, в котором и не помню-то себя. В том, что это произошло и произошло очень рано, нет ничего удивительного: я родилась в семье музыкантов. Моя мама была пианисткой и певицей Смоленской филармонии, у нее было красивое меццо-сопрано. Она — мой первый учитель и аккомпаниатор. Папа тоже был певцом — солистом радио. После войны он пел в ансамбле Александрова. В нашем доме постоянно звучали арии, романсы, песни...

— И вы, естественно, тоже мечтали стать певицей...

— Что вы! И не помышляла об этом! Видела себя в будущем только актрисой, трагической актрисой, мечтала о «Бесприданнице». Всегда играла в спектаклях драмкружка, но стоило случиться какой-нибудь олимпиаде, как меня тут же превращали... в певицу! Ну не давали хода «трагической актрисе», хоть плачь! И я пела. Вы знаете, когда говорили, что быть мне певицей, я отвечала: «Если уж придется петь, то только в Большом театре и только... с Лемешевыми!». Ни больше ни меньше... Увы, увы, пою одна.

— Теперь понятно, почему в вашем исполнении песен так активно драматическое начало: тяга к драматическому актерству оставила свой след.

— Да, я пою песни, в которых есть, прежде всего, сюжет, образ. Песню надо не только спеть, но и, если хотите, сыграть.

— Как вы пришли к народной песне?

— Она давно и настойчиво стучалась в сердце. Школьницей я каждое лето отдыхала в деревне. Местные девушки, мои сверстницы, часто вечерами брали меня с собой на посиделки, на которых мы пели народные песни. Иногда девочки просили меня запевать. На деревенских посиделках я впервые спела такие песни, как «Ехал на ярмарку ухарь-купец...», «Окрасился месяц багрянцем...», «Меж высоких хлебов затерялся небогатое наше село...». Позже, став профессиональной певицей, я вернулась к этим песням, и они долгое время были в моем репертуаре. Кто знает, может быть, там, на деревенских посиделках, и началась моя любовь к русской народной песне?..

— На одном из концертов выступало трио знаменитых баянистов — Кузнецов, Попков и Данилов. Когда-то их услугами часто при постановке своих спектаклей пользовался В. Э. Мейерхольд. Сидя за кулисами, мы познакомились. Они играли что-то из своего репертуара, а я стала напевать. Попков сказал мне: «Оленька, вам надо петь русские песни, вы же совсем другая». Некоторое время я занималась с Попковым и пела под аккомпанемент всего трио. Но даже тогда я еще не утвердилась в мысли петь народные песни.

— Почему!

— Не знаю... Может быть, жаль было расставаться с теми, что пела постоянно? А может быть, потому, что менять жанр — менять навсегда — момент очень ответственный, а я просто не была подготовлена внутренне к этому моменту. Так или иначе, народные песни были лишь небольшой частью моего репертуара. И вот однажды

меня попросили заменить в концерте заболевшую певицу, исполнительницу русских народных песен. Так начался постепенный переход к постоянно по жанру репертуару.

— В Москонцерте вы считаетесь исполнительницей с богатой географией гастролей...

— Да уж, езжу много. Камчатка, Сахалин, Волга, Крым, Урал, Сибирь... Ну, кажется, везде побывала. Ан нет, не везде, далеко не везде.

— А за рубежом!

— Запомните, если начну перечислять? Ну слушайте. ГДР, Болгария, Монголия, Румыния, Польша — 5 раз, Венгрия, Югославия, Франция, Голландия, Финляндия, Дания, Япония — дважды. Шесть раз я гастролировала по странам Африки — Кения, Уганда, Сенегал, Алжир, Бурунди, Танзания, Замбия, Эфиопия, Сомали. Запомнились полугодовые гастролы в странах Латинской Америки — Уругвай, Эквадоре, Чили, Мексике, Тринидаде.

— Я слышал, что, выступая в Африке, вы часто пели на государственном языке данной страны...

— Да, это так. А в одной из стран оказалось... два государственных языка. Я пела на обоих. Зрители были удивлены не меньше, чем обрадованы.

— Ольга Борисовна, как слушают за рубежом русскую песню!

— Начинают слушать по-разному. Но в итоге всех людей, живущих на разных континентах, покоряет русская мелодия — раздольная и вольная, как сама Русь. В Японии проявляют огромный интерес к русской народной песне, там даже существует хор русских песен.

— И, конечно же, все эти поездки полны незабываемых впечатлений от встреч со странами, обычаями, людьми...

— Главное, людьми. Ну разве можно забыть улыбку монгольского скотовода, принимавшего нас в своей юрте? Радушью хозяина не было конца, он старался угостить нас самым лучшим, самым искусным блюдом. А как подбадривали меня монгольские друзья, когда я управляла... верблюдом.

— Вы невольно подсказали мне следующий вопрос — о курьезах.

— Да, в общем-то, их и не было... Ну разве что такой случай. В поездке по Тринидаду нас сопровождал импрессарио с Ямайки. После одного из концертов, в котором я пела «Калинку», он подошел ко мне и, извинившись, потрогал мое горло: откуда, мол, идет столько звука, не вставлен ли в горло... долгопоющий автомат? Убедившись что никакого автомата нет, он удивленно пожал плечами и отошел. Или еще один случай. В моем репертуаре есть песня «Белый снег». На концертах в Африке переводчик подолгу объяснял зрителям, что такое снег и о чем песня. А после одного из концертов благодаривший меня представитель местной общественности сказал на прощание: «Нам всем очень жаль, что вы живете там, где бывает так холодно. Примите наше сочувствие...»

— Некоторое время вы были солисткой Московской областной филармонии и много ездили по Подмоскovie. Чем запомнилась вам та пора, те поездки!

— Меня всегда радовала готовность земляков слушать песню, какая-то необыкновенная настроенность, что ли, на песню. Это качество в зрителях очень дорого нам, испол-

нителям, независимо от того, в каком жанре мы выступаем на концертной площадке. До сих пор я переписываюсь с некоторыми из друзей, живущих в Подмоскovie. Но почему-то особенно врезались в память строки, присланные мне однажды девочкой Мариной из Малаховки: «Дорогая тетя Оля! Мы с бабушкой спорим: она говорит, что у вас один голос, а я считаю, что два: один — веселый, другой — грустный». С тех пор прошло несколько лет, и Марина стала уже взрослой. Я по-прежнему помню ее открытку и благодарна ей за чуткое сердце, за умение слушать и понимать песню.

— А теперь — о людях, дорогих вашему сердцу, о друзьях, коллегах...

— Когда я была девочкой, то даже не мечтала не только подружиться, но быть хотя бы знакомой с Клавдией Ивановной Шульженко. В 1961 году я познакомилась с ней, и с тех пор эта удивительная женщина бескорыстно дарит мне свою дружбу. Клавдия Ивановна для меня не только пример величайшего мастерства, но и неиссякаемого жизнелюбия, простоты и сердечности. Я часто приходила на ее репетиции. Как она репетирует! Это надо видеть. Она поет, как на концерте, никакой себе поправки, все — в полную силу, с полной отдачей! Поразительное трудолюбие! А юмор Клавдии Ивановны, ее обаяние, заразительность! Подмостки потеряли замечательную драматическую актрису, но приобрели легендарную певицу! В моей квартире висит фотография Клавдии Ивановны с дарственной надписью: «Ольге, дорогому другу, талантливой певице и чуткому человеку, — с любовью, Клавдия Шульженко». Дорогая для меня реликвия! Жить рядом с этим человеком, общаться, дружить, быть современницей К. И. Шульженко — огромное счастье. И еще я думаю об Ирме Петровне Яунзем, которая много занималась со мной, режиссировала мою сольную программу. Добрейший был человек, каких мало... Как она поддерживала меня, как помогла... Навсегда сохраню благодарную память об этой женщине. Она подарила мне много своих песен, которые я пою в память о выдающейся певице. Одну из них, которая называется «На улице дождик», Ирма Петровна сама получила в дар от А. М. Горького. Алексей Максимович записал эту песню в одной из рабочих артелей во время своих скитаний по Руси.

— Ваши увлечения вне концертной эстрады!

— Конкретных, сильных увлечений у меня нет. Но я очень люблю приглашать друзей в гости, готовить для них кулинарные сюрпризы, видеть их удивленные и радостные лица. Люблю, когда у меня в доме звучат голоса — взрослые, детские... И еще — я люблю тишину. Но — особую, в степи, в лесу... Выбираю самый глухой уголок и слушаю эту тишину, и слышу в ней русскую, «чистой красоты» песню, которая незаметно возникает откуда-то издалека, звучит все сильнее и сильнее, затем удаляется и так же незаметно, как и появилась, исчезает вдали... И снова — тишина. А где-то, в другом уголке земли, продолжает звучать русская народная песня, моя радость и боль, моя непреходящая любовь...

Интервью вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.